

Мобильность в развитии мирового юридического образования как метакультурного компонента

Сайдамин Мусаевич Эльмурзаев

Кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин
Чеченский государственный педагогический университет

Грозный, Россия

elmurzaev@mail.ru

 0000-0000-0000-0000

Казбек Мусаевич Эльмурзаев

Майор полиции, преподаватель цикла учебного центра МВД России по Чеченской Республике

Грозный, Россия

elmurzaev@mail.ru

 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 18.04.2021

Принята 21.09.2021

Опубликована 15.10.2021

 10.25726/f2194-8369-3796-w

Аннотация

Возможности становления и развития образования в сфере юриспруденции позволяет говорить о том, что юрист как профессионал может быть не только ограничен юрисдикцией, в которой осуществляет свою профессиональную деятельность, но также и выступать как источник имплементации в законодательство новых правовых конструкций. В число таких относят инновации в закреплении права собственности, в области семейных и трудовых отношений, а также реализуемых положений по внешней политики в рамках самого государства. Новизна исследования определяется тем, что юридическое образование под собой понимает не только возможность осуществления юристами своей профессиональной деятельности, но также и формирование новой правовой среды, в которой протекает развитие уже национального законодательства. Авторы показывают, что возникновение юридического образования исторически обусловлено интеллектуальной мобильностью, а следовательно, может реализовываться как источник привнесения культурного компонента в текущую среду социального типа и обеспечить ее устойчивость в будущем. Практическая значимость исследования определяется тем, что возможность обеспечения межкультурного компонента прежде всего формируется на основе применения правовых конструкций в условиях соблюдения законности в обществе в целом.

Ключевые слова

Право, образование, мобильность, развитие, имплементация.

Введение

Содержание и формы юридического образования в европейских университетах были вполне определены мировоззренческими установками. Юридическое образование в средневековых университетах имело черты школьного, поскольку теоцентризм конкретизировался в принципе уподобанию высшему и двойной истине: все вопрос и ответы давно известны, поэтому студент имеет лишь повторить наставления преподавателя (Soares, 2007). В этот период популярными были разнообразные учебники, компендиумы и энциклопедии. Слова учителя не подлежат обсуждению, их только воспроизводят. Кроме этого, особенность средневекового образования (юридического в том числе) заключалась в его письменном характере, что было результатом процесса распространения письменности и десакрализации книги (Rheinschmidt, 2014). Речь идет о замене античного свободного

времени ученым трудом, вместо акустической, устной культуры появляется письменная, что предоставляет возможность транслировать знания в грядущие эпохи, то есть происходит трансформация социальной памяти (Collins, 2015). Христианская цивилизация является периодом десакрализации книги и распространения письменности; появления новых видов доказательств (письменные доказательства) вместо испытаний (судов Божьих); возникновения и деятельности университетов, усилия которых концентрировались на поисках практической справедливости и были ориентированы на признание права как должного (Baxter, 2019). Процесс десакрализации книги сопровождал и другой процесс – процесс рационализации методов интеллектуальной деятельности: V Лютеранский собор 1215 г. запретил тиражирование вследствие распространения письменных текстов как основного вида доказательства; распространение в XIV веке книгопечатания способствовало тиражированию письменных текстов, что обусловило коренные изменения менталитета европейца, который, преодолевая имущественные и сословные расслоения, стал «человеком, который читает и пишет».

В учебном процессе текст сохраняет за собой условно сакральное значение для будущих юристов такой священной книгой стали «Дигесты» Юстиниана. Почтительным отношением к письменному тексту обусловлены методики преподавания юридических дисциплин на юридических факультетах средневековых университетов: во время *hereditio* происходило детальное и всестороннее объяснение отдельных отрывков текстов, что учитывало все возможные сомнения и возражения; повторы фрагментов прочитанного текста должны обеспечить его запоминание, а в дальнейшем – использование для подтверждения мысли посредством цитирования наизусть; *disputatio* призваны были научить студентов искусству спора, сформировать навыки отстаивания приобретенных знаний.

Материалы и методы исследования

Для второго этапа становления европейского юридического образования присуща тесная связь со стремительным развитием естественных наук, промышленности и возникновением нового класса – буржуазии. Именно в это время утверждается новое мировоззрение, новые подходы к изучению естественных и социальных процессов и явлений: формируется экспериментально-математическое естествознание, создаются философские учения, где отражены процесс секуляризации и отход от средневековой традиции (Baxter, 2019). Начиная с XVII века, естествознание, в частности механика, уже в значительной мере определили содержание и задачи метафизики, а в XVIII–XIX веках вообще нивелировали последнюю, создав особый – наукоцентрический – способ мышления и жизненной ориентации, господствующий до сегодня. Индустриальная модель мира предопределяла и становление индустриальной модели образования, которая была конкретизацией культуры, выстроенной на принципах рациональности, именно той культуры, о которой О. Шпенглер отмечал: «Мозг берет бразды правления, потому что душа получила отставку» (Anderson, 2001). Однако именно благодаря рациональному подходу и абсолютизации разума в жизни человека наметились базовые основы знаний, а также произошло деление знания на гуманитарное и естественно-научное.

В специфике новой картины мира можно найти выход за пределы искусственно созданных границ, что, в конечном итоге, означало постоянное стремление бесконечного и непознанного: мир начинает расширяться, разрывая свои границы, просыпается новая волна, для которой любое расширение означает освобождение (Wyte-Lake, 2014).

В эпоху Нового времени отстаивают идеи о неограниченных способностях и талантах человека, учитывая его совершенство и способность к познанию. Человек в Новом времени живет в чувственном мире, а следовательно, его можно научить чему угодно. Человек как чистая доска – благодатный материал для воспитания и обучения. Новое время – это мир механизмов, организмов и дрессуры: благодаря воспитанию, обучению и просвещению можно изменить сущность человека, улучшить его, направить на служение общественным интересам (Abelson, 2018). Человек является естественным существом, поэтому наделен естественным умом, что придает его поступкам и действиям рациональность и целесообразность. Природу, мир и человека можно познать с помощью правильно подобранного и эффективного метода. Человек Нового времени является антиподом человека

традиционного (корпоративного) общества, в котором индивид не свободен, он находится в системе непосредственно-личностных связей, жестко подчинен и подконтролен в своих действиях диктату многочисленных императивов макро - и микросоциума. Его субъективность социально ограничена, она включена в субъективность коллективности (Benner, 2011).

Современная юридическая сфера, как и любая другая сфера социального бытия, позиционирует себя новаторской и качественно отличной от предыдущих. Ученые приводят немало аргументов как свидетельство такой несхожести. Одним из них является апеллирование к новым социокультурным обстоятельствам, господствующей мировоззренческой современности и образу человека. Нынешний иррационализм и ориентация на жизненные компоненты в современном мировоззрении сказываются на качестве и содержании образования. Человека в условиях трактуют как открытую систему, которая соотносится с идеей коэволюции (она является органической компонентой социума, природы и космоса). Продолжается своеобразная антропологическая переориентация, связанная с осознанием кризисности человеческого существования, выявлением его онтологической бездомности, пониманием неизбежной ограниченности. Также выразительным является социальный кризис, который проявляется в разрушении политических и духовных ценностей; отмирании традиционных форм сожителства; неверии в объективные основы собственного существования, в те обязательные мировоззренческие принципы, которые поддерживали в ней веру в объективность, прогресс, всемирную историю. Современный мир лишает человека критериев и ценностей, которые придавали его существованию смысл, он оказался заброшенным и брошенным, не принадлежащим сам себе. Новые формы жизни и производства, созданные обществом на основании современной науки и техники, все заметнее проявляют свою враждебность к человеку, предоставляя всеохватность процесса отчуждения, дегуманизации и стандартизации различных аспектов человеческого бытия.

Настоящее – постиндустриальное общество, которое продуцирует культуру общества потребления, где меняется картина мира и царит особый человеческий «психотип В», который является гибким, подвижным, получает немедленное удовлетворение своих потребностей, живет в кредитах. В результате социокультурных процессов первой половины XX века сформировался человеческий «психотип А», особенностью которого были рациональность поведения, достижение цели путем отсроченного вознаграждения за рациональное поведение, настойчивость, бережливость.

Сейчас место материальных ценностей заняли символические ценности, формируется новое чувство жизни, множественность поведенческих типов заменяет унифицированная модель, идентичность становится полифоническим, а единство опыта распадается. Главным ресурсом становится информация, которая сжимает пространство и ускоряет время, создает поток ситуаций, ускоряет темп жизни. Изменения затрагивают систему представлений о мире и человеке, сложившиеся ценности культуры. Заявленная экзистенциальной парадигмой ценность свободы, что была недостижимой в условиях индустриальной машинной цивилизации, приобретает другие черты в культуре общества потребления. Одной из главных ценностей современного общества становится свобода, которая имеет четыре «ипостаси» – как свобода быть, действовать, передвигаться, знать и принимать новое. Расчет на перспективу, жизненная стратегия отсроченной вознаграждения заменяются жизнью «здесь и сейчас», воплощением свободы быть. Субъект современности погружен в бесконечное настоящее, без будущего и прошлого. Это не означает, что современному человеку не свойственно планировать свою жизнь и руководствоваться долгосрочной стратегией. Наоборот, свобода быть предусматривает проект, в то же время, ее сопровождает легкость как наследие эпохи постмодерна.

Свобода во всех ее модусах является свободой различать, а результат различения заключается в признании индивидуальности как субъекта культуры. Это та же индивидуальность, которая обладает способностью утверждать. Таким образом, в контексте культуры парадигма современности оказывается информационной – парадигмой difference.

Современный студент признана выдающейся, неповторимой и уникальной личностью, активным началом в процессе обучения. В наше время актуальным является теоретическое наследие Д. Лихачева, лейтмотивом которого является утверждение о том, что сейчас невозможно стать хорошим специалистом, изучая только те науки и дисциплины, которые непосредственно касаются выбранного

направления подготовки. Образование не может существовать вне культурного процесса, а без общей невозможна и правовая культура.

Результаты и обсуждение

Специфика юридического образования напрямую связана с изменением представлений о праве. В эпоху Нового времени его толкуют как секулярное явление, приобретающее форму новой теории положительного права, которая до сих пор доминирует в мире. Следует акцентировать внимание на том, что положительное встает в смысле искусственного, как такого, что создано человеком, а следовательно, источником права в гражданском обществе признан человеческий закон, который требует государственного закрепления, в противовес вечному закону разума и древнему закону государства, существование общества связано с существованием юридических законов, которые истолкованы как волеизъявление, приказ государственной власти. Разум закона вытекает из разума государства (государство является «смертным Богом»), а это делает возможным перемещение таких феноменов, как религия и мораль, в подзаконную или сверхзаконную сферы (Sidhu, 2017). Гражданское, уголовное право, юриспруденция в целом объявлены делом государства, порождением его законодательных императивов. П. Сорокин предложил подробную характеристику нового права, а также роли и значения юристов для общества того времени. Юрист Нового времени – это не мастер, а ремесленник, который знает законы и может их применять. В то же время юрист осознает, что законы, с которыми он имеет дело, являются рукотворными – созданными человеком для человека, контролируемые человеком (Pisou, 1980). Безусловно, есть природные законы (период господства идеи естественного права), однако их могут открывать только избранные из людей – философы. Поэтому законодатель является философом природы. Этот этап был периодом становления и формирования буржуазных отношений, которые быстро стали предметом научного интереса как философов, так и юристов. Именно идеи этих мыслителей оказали идеологическое обоснование новым общественным отношениям, а в практической плоскости способствовали обновлению унаследованных и разработке новых государственно-правовых институтов. Новоевропейская традиция остается под влиянием римского права (Petersdotter, 2017).

Формирование нового типа государства – национального – обусловило существенные изменения в назначении университетов и качестве юридического образования. Университеты потеряли статус автономных и независимых учебных и научных центров, зато перешли под контроль властей (монархов, церкви, Папы Римского). Кроме того, появление на политической авансцене национальных государств повлекло и распад единого европейского законодательства, которое основывалось на римском праве. Студенты-юристы потеряли возможность получать в университетах «универсальное» юридическое образование (Sorani-Villanueva, 2014). Новые национальные государства нуждались в знатоках национального права, хотя большинство государств оставило как основу своего действующего законодательства элементы римского права. Разногласия в принципиальных моментах правовых систем континентальной Европы и Британских островов привели к признанию различных источников права. Континентальная Европа нуждалась в юристе-знатоке действующего законодательства, а Британия – юристе-знатоке прецедентов (Lan, 2011). Для континентальной Европы приоритетными становятся нормативно-правовые акты, прежде всего – с XVIII века, в пределах которого активизировалась работа по систематизации законодательства на новом уровне. Развитие промышленности, увеличение количества торгово-обменных операций, географическое расширение (возникновение колоний) требовали все большего количества образованных людей. Это были времена развитой книжной культуры, культуры писаного слова, а потому публичными становятся идеи, которые распространяются при помощи печатных изданий светского и научного содержания. Печатные издания также способствовали распространению правовых знаний, научных исследований в сфере права, упрощению доступа к юридической информации (Hahn, 1980).

Именно Новое время стало эпохой, в пределах которой формируется наука как социальный институт, научные поиски становятся профессиональным занятием, появляется профессия ученого. Быстрыми темпами растут производительные силы, прогрессируют процессы разделения труда,

расширяются географические границы государств, формируются новые типы социальных отношений, которые требуют цивилизованного урегулирования. Это требовало узкоспециализированных специалистов, подготовка которых требовала создания или переориентирования учебных заведений, пригодных для такой функции (Siczek, 2018).

Юридическое образование связано с еще одной чертой новой культуры – ее утилитарностью. С тех пор знания должны были соответствовать единому критерию – они должны были быть политехническими (Kuhlmann, 2017). Студент университета уже с первого курса был ориентирован на то, что, получив образование, он будет максимально приспособлен к жизни, сможет на практике применять теоретические знания. Выпускник – это, прежде всего, конкурентоспособная единица на рынке труда, его знания и навыки соответствуют и удовлетворяют потребности рыночной экономики. Прагматизм граничит с функционализмом: Новое время ориентируется во всех сферах бытия на часы как на совершенный механизм, так и Вселенная является большим механизмом, право – механизм урегулирования межличностных отношений, человек – мини-механизм в повседневной и профессиональной жизни (Mihí-Ramírez, 2016).

Между культурами средневековья и Нового времени нет пропасти. Новое время трансформировало достижения предыдущих веков и приспособило их к своим потребностям. Развитие культуры в историческом аспекте составляет процесс культурной наследственности и селекции. Поэтому все описанные исторические периоды европейской культуры являются условными как с хронологической, так и с идеологической позиции. Новая культура была выстроена на элементах средневековой (Holton, 2015).

Культуры Нового времени и средневековья, несмотря на имеющиеся отличия, имеют ряд общих аспектов, которые можно позиционировать как элементы культурной наследственности (условные модели ученых). Культура Нового времени сформировалась на базе средневековой, касающейся, прежде всего, новой общественной структуры, государства и права. В то же время средневековая социальная система не всегда модернизировалась эволюционным путем. Революционные изменения в процессе формирования культуры Нового времени были predeterminedены тем, что средневековая сословная социальная система не соответствовала деловым требованиям Нового времени, поскольку была традиционно-консервативной, а это не способствовало развитию предпринимательства и вредило осуществлению масштабной социальной диффузии (Dumais, 2008).

Средневековый человек зависел от людей, вышших в иерархии, а также должен был иметь четко определенный образ жизни: служить Богу, королю, сеньору, корпорации или общине. В противовес средневековому, новый человек служил делу (бизнесу), все участники которого должны быть максимально свободными от неделовых отношений. Окончательное разрушение средневекового общества завершилось лишь в середине XIX века, чем обусловлено появление новой общественной системы, основанной на принципах юридического равенства людей, единого гражданства, законодательно закрепленных свобод и прав гражданина. Эти свободы и права толковали как принадлежащие человеческой природе и которые могут быть ограниченными в пользу общества только добровольно или принудительно (Teichler, 2015).

Отличительными чертами нового университетского образования (юридический факультет был обязательным в структуре каждого университета) следует считать:

- обучение в университетах на национальных языках (с XVIII века. Латинский язык как язык университета и обучение было позднее отменено в Италии в начале XIX века). Латынь теряет статус «мирового» языка, ее вытеснили в церковно-религиозную сферу, что способствовало формированию государственно-национальных черт университетов разных стран. Студент – будущий юрист должен ориентироваться не только в метафизических началах права и тонкостях естественного права (справедливость, равенство и тому подобное), но и должен был знать нормы национального и международного права;
- стремительное развитие экспериментального правоведения обусловило нивелирование гуманитарной составляющей учебного процесса;

– в XVIII веке сформировалась современная система высшего образования (наряду с университетами начинают функционировать институты и специальные школы). Произошло углубление юридических знаний: общество нуждалось в специалистах узкого направления. В эпоху Нового времени можно наблюдать константный рост уровня образованности населения Европы;

– в университетах все больше внимания акцентируют на подготовке специалистов для светской жизни. Университеты постепенно выходят из-под власти церкви, попадают под контроль светской власти, а иногда монархи инициируют создание университетов.

Новые общественные отношения существенно сказались на содержании юридического образования. Социальные обстоятельства требовали от юристов умения приспосабливаться к реалиям жизни и своей деятельностью стимулировать обновление отживших государственно-правовых институтов. Юридическое образование имело подоплеку римского права. Под влиянием таких дихотомических процессов университеты кардинально реформируют учебный процесс и начинают новые методы преподавания учебных дисциплин. Схоластику и схоластический метод преподавания категорически отрицали, хотя до недавнего времени они формировали основы пропедевтики университетской дидактики. Однако ни схоластика, ни схоластический метод в обучении уже не могли обеспечивать качественную подготовку юристов нового образца. Выпускник университета – юрист – должен был стать чиновником на государственной службе.

В контексте культурологических особенностей Нового времени становятся понятными методические наработки Г. Лейбница, которые не являются широкоизвестными среди отечественных исследователей, поскольку написаны на латинском языке. В частности, в работе «Новый метод» мыслитель определяет революционные шаги реформирования юридического образования. Шаг первый – изменение социального статуса юриспруденции, которое должно было приобрести систематический и научный характер. Шаг второй – необходимый комплекс мер в направлении преодоления «архаичности» юридического образования, которая проявлялась в неучете исторических реалий и не отвечала потребностям времени (обучение юристов предусматривало проработку юридических сборников, заключенных Юстинианом). Шаг третий – разработка логической системы изложения права, которой были бы присущи взаимосвязь и взаимообусловленность понятий. Шаг четвертый – в учебных планах подготовки юристов отделение истории права и права как различных учебных дисциплин. Шаг пятый – ревизия смысловой нагрузки учебных планов, дифференцирование положений действующего права и исторического; современной юридической терминологии и устаревшей лексики.

Юридическое образование первого и второго периодов имела немало схожих черт. В частности, это статус студента как пассивной стороны в образовательном процессе: студент был реципиентом необходимой информации, которую предлагал ему преподаватель. Для эффективного усвоения материала и формирования необходимых навыков студенты должны воспроизводить предоставленный преподавателем материал путем заучивания и многократных повторений. Передачу материала осуществляли акустическим способом в форме монологов.

Современность как третий этап развития юридического образования является отражением тектонических сдвигов мировоззрения, науки и идеологии. По мнению Т. Парсонса, «современность» начинается с XIX века. Среди значимых изменений следует выделить следующие:

– процессы секуляризации в сфере науки и образования. Европейская культура четко разделяет сферы светского и религиозного. До середины XX века в сфере высшего образования еще не действовали университеты классического образца: Дитя Просвещения – образование, основной целью которой является усвоение интеллектуальных дисциплин, берущих начало в секулярной философии и сгруппированных в виде естественных, гуманитарных и социальных наук. Эти светские дисциплины были институализированы в академической системе, то есть в системе высшего образования, основанной на университетах. Университеты являются центрами не только обучения, но и систематического получения новых знаний путем исследовательской работы;

– на смену веры в разум как в действенную и жизненную силу (после потрясений начала и середины XX века) приходят господство иррационализма, вера в жизненные силы. Это стимулировало признание уникальности и личной значимости человеческой личности, которые в сфере образования

конкретизированы в индивидуализме и антропологизме: студент – живой человек, наделенный только ему присущими талантами, способностями, недостатками и достоинствами;

– современное образование является конвенционным. Договор, соглашение – это основа современных образовательных процессов. Конвенциональность образования проявляется не только в оформленных и заключенных в соответствии с нормами действующего законодательства отношениях между учебным заведением и студентом, учебным заведением и преподавателем. Конвенциональность имеет другую форму – толерантности: правом и возможностью получить высшее образование наделены все желающие (многонациональные студенческие сообщества, отсутствие расовых предрассудков, дискриминации по полу, инклюзивное образование тоже являются проявлениями толерантности современного высшего образования).

Построение единой научной картины мира еще более усложнилась в конце XX века. Неоднозначные, а иногда и взаимоисключающие результаты теоретической физики в описании происхождения и свойств материи, пространства и времени, создание нелинейной динамики и неравновесной термодинамики, которые изменили представление о возможных механизмах происхождения и развития живого и неживого; дифференциация наук и противоборство самых сложных научных формализмов; предельная математизация физического знания, обусловившая появление понятий, не имеющих реальных аналогов, – все это повлекло существенные препятствия на пути формирования единых представлений о мире. Обозначенные процессы отдаляли естественные науки от философии, привели к определенной изоляции последней, отсрочили философское осмысление результатов современного естествознания. В философии это нашло отражение в гносеологическом пессимизме, онтологическом релятивизме, плюрализме, в конце концов – в отказе от проектов построения универсальной философской онтологии как основы единства философского знания о мире.

В XXI в. перед человечеством появился новый цивилизационный вызов – видное образовательное измерение. Речь идет, прежде всего, о высшем образовании как стратегическом ресурсе человечества. Образование признано одним из базовых элементов национальной безопасности, основой экономической независимости страны, механизмом становления духовно-творческой культуры. Юридическое образование занимало определяющее место в системе высшего образования, поскольку глубокие правовые знания и уровень подготовки государственных служащих и рядовых гражданских совершенствование законов, выполнение, реформирование и прогрессирование в развитии государственного и государственного строя позволяло осуществить социальный рывок. Следует выделить важнейшие черты современного юридического образования, которыми являются: задекларированная гуманитарная составляющая, массовизация, модификация, глобализация.

В связи с тем, что переопределяются роли и задачи академических деятелей, то и меняется традиционная иерархия ролей работников университета (вспомогательный персонал так же важен для успешного функционирования университета, как и академический персонал). Сотрудники вуза все чаще сочетают «академические» и «неакадемические» роли, что нивелирует различия между ролями; организационной и корпоративной культур: если традиционный университет был особым общественным институтом, который существенно отличался от политических и рыночных организаций, то современность стирает границы между академическими институтами и другими типами организаций.

Мегатрендом современного мирового развития является глобализация. Термин «глобализация» вошел в научный оборот в 80-е годы XX века для обозначения процессов, сущность которых заключается в существенном расширении взаимосвязей и взаимозависимостей людей, сообществ и государств. Предпосылками формирования и развития этих процессов является информационная революция, возникновение глобальных информационных сетей, дефицит природных ресурсов, демографический взрыв и продление жизни людей, интернационализация капитала, развитие логистики, упрощения преодоления расстояний благодаря развитию новых видов транспорта, контроль за перемещением рабочей силы, человеческими ресурсами. Эти процессы сказываются на мировом рынке капиталов, культуре, образе жизни, а также связаны с явлениями унификации и стандартизации. Поэтому глобализация является процессом формирования единого планетарного пространства, для которого характерным является интеграция всех сфер общественной жизни. Сессия Генеральной Ассамблеи

ООН (2000) определила глобализацию как новую идеологию, основой которой является свобода, равенство, солидарность, толерантность, уважение к природе, взаимная ответственность.

В пределах европейской истории и культуры уже неоднократно происходили процессы, которые по своей сути (но не по форме) были похожи на современную глобализацию. Дени де Ружмон отмечал, что начало этих явлений достигает 1308 г., когда было официально обнародовано открытое письмо П. Дюбуа с призывом к объединению против турок, а настоящей причиной было желание уберечь европейский народ от анархии независимых государств путем создания парламента, наднационального арбитражного суда и тому подобное. В XVII и XVIII веках было разработано шесть проектов объединения Европы: Новый проект (Ц. Е. Крюсе – парижского монаха) 1623 г.; Большой проект герцога де Сюлли (министра-гугенота Генриха IV) 1638 г.; Всеобщее пробуждение Я. А. Коменского (епископа Церкви моравской) 1645 г.; Эссе о нынешнем и будущем мире Европы Уильяма Пенна (английского квакера и основателя великой Американской державы) 1692 г.; к ним присоединяют два проекта вечного мира аббата Сен-Пьера 1712 г. и проект И. Канта 1795 г. Анализируя особенности глобализационных процессов в сфере культуры (образования в частности), следует учитывать специфику мировоззренческих ориентаций современности и добровольность участников глобализационных процессов по созданию надгосударственных структур, а также сознательное принятие норм-стандартов урегулирования общественной жизни. В эпоху глобализации, когда рынки становятся всеобщими, когда знания выстраиваются по единой системе, а профессионалы ценятся не за диплом, а за талант, главным акцентом современности становится многообразие. Это и многообразие культур, традиций, паттернов поведения, интерпретаций и истин. Сложность, которая пугает и захватывает, характеризует современную эпоху. Технологии, общественные институты и ценности создали интернациональный мир, в котором все решают знания, принятие нового, мобильность и способность различать.

Сейчас возникла новая форма самоорганизации системы высшего образования по принципу сети и создание транснациональных систем производства и предоставления образовательных услуг. Поэтому уже привычными являются понятия и явления экономики знаний, непрерывного образования, человеческого капитала, интеллектуальной миграции и тому подобное. Толчком для глобализационных процессов в сфере образования и вплетение в канву культурной глобализации традиционно считают подписание учебными заведениями Болонского соглашения, реализация положений которой должна обеспечить участникам единство образовательного пространства, унификацию требований к формам и содержанию образования, универсализацию многоуровневого образования.

Можно выделить ряд особенностей юридической науки в условиях глобализации. Процессы унификации и стандартизации, которые происходят в масштабах мирового культурного и правового поля, оставляют нерешенными вопросы национального законодательства и национальной правовой специфики. Юридическое образование в условиях глобализации направлено на подготовку специалистов, которые могли бы себя реализовать в профессиональном аспекте двояко: существование надгосударственных институтов предполагает юридическое сопровождение, а это означает, что специалисты-юристы разных стран должны иметь одинаковый уровень подготовки. С другой стороны, юрист обязан ориентироваться в действующем национальном законодательстве.

Заключение

С глобализацией связаны и процессы информатизации, возникновения новых видов коммуникации, а также феномен доступности информации благодаря Интернет-сетям. В конце XX века сформировалась новая форма обучения – дистанционное образование, чему способствовало развитие компьютерной техники и цифровых технологий. Получение образования, в том числе и юридического, с помощью современных информационных технологий имеет как положительные, так и негативные аспекты. К негативным относятся изъятие из процесса обучения живого носителя знаний, которым является преподаватель. Это тот субъект, который способен продемонстрировать логику развертывания мысленного процесса в конкретном направлении. Использование возможностей информационных технологий в учебном процессе и вне процесса непосредственного живого общения между студентами и преподавателями имеет следующие негативные последствия: передать знания невозможно – можно

только передать определенную информацию, причем эмоционально окрашенную, а глубина и объем знаний напрямую зависят от способов их усвоения. Мыслительные навыки, а также критическое отношение к полученной информации невозможно сформировать, если весь образовательный процесс свести к подаче предварительно отобранной информации в виде схем, правил, тестов и тому подобное. Использование информационных технологий как ретранслятора информации лишь усиливает репродуктивность обучения.

Глобализация оказывает решающее влияние на содержание образовательной деятельности, методику и технологию образования. В содержании юридического образования принципиальное значение приобретает изучение сравнительного правоведения и международного права, расширение в преподавании отраслевых дисциплин международно-правового аспекта.

Также следует акцентировать внимание на универсальном языке науки и образования, которым стал английский. Самым распространенным иностранным языком, который изучают в вузе, является английский – язык, который в эпоху глобализации приобрел статус международного. Постоянно повышаются требования к уровню владения английским языком студентов нефилологических специальностей. Прежде всего это касается студентов юридических специальностей. Приоритетность изучения английского языка обусловлена тем, что в современном мире он является важнейшим инструментом наднациональной коммуникации. О росте потребности в едином языке свидетельствует динамика развития международных организаций, более 85 % которых сейчас используют английский как официальный язык. Одной из первых среди многочисленных международных организаций, которые предоставили английскому языку наравне с французским особый статус, была Лига Наций, все документы которой выдавали именно на этих двух языках. Роль английского как языка международного общения усилилась благодаря деятельности Организации Объединенных Наций. Распад колониальной и социалистической систем обусловил массовое увеличение количества членов ООН, которых к началу XXI века насчитывалось около 190. Именно поэтому остро встала потребность в общении с помощью понятного всем языка.

Для России не присуща традиция массового владения иностранными языками, что затрудняет обучение в вузах, в частности иностранных. Цель иноязычной подготовки будущих юристов состоит в формировании и развитии профессионально ориентированной межкультурной коммуникативной компетенции, которая включает знания и умения как на иностранном, так и родном языках, а также определенные способности и качества личности. Таким образом, целью иноязычной подготовки будущих юристов является достижение такого уровня владения родным и иностранным языками, который предоставляет возможность им адекватно определять свое речевое поведение в условиях межкультурного общения, которые постоянно меняются. Билингвальные языковые компетенции являются одним из необходимых элементов профессионально-предметных компетенций будущего юриста. Они влияют на формирование социокультурных компетенций, а следовательно, и его общих способностей, и качеств как работника. Билингвальные языковые компетенции предполагают знание правил лексико-грамматического оформления письменных и речевых сообщений, стилистических особенностей функциональных типов юридических текстов.

Список литературы

1. Abelson, J. S., Symer, M. M., Yeo, H. L., Butler, P. D., Dolan, P. T., Moo, T. A., & Watkins, A. C. (2018). Surgical time out: Our counts are still short on racial diversity in academic surgery. *American Journal of Surgery*, 215(4), 542–548. <https://doi.org/10.1016/j.amjsurg.2017.06.028>
2. Anderson, J. A., Kutash, K., & Duchnowski, A. J. (2001). A comparison of the academic progress of students with EBD and students with LD. *Journal of Emotional and Behavioral Disorders*, 9(2), 106–115. <https://doi.org/10.1177/106342660100900205>
3. Baxter, A. (2019). Engaging Underrepresented International Students as Partners: Agency and Constraints Among Rwandan Students in the United States. *Journal of Studies in International Education*, 23(1), 106–122. <https://doi.org/10.1177/1028315318810858>

4. Benner, A. D. (2011). Latino Adolescents' Loneliness, Academic Performance, and the Buffering Nature of Friendships. *Journal of Youth and Adolescence*, 40(5), 556–567. <https://doi.org/10.1007/s10964-010-9561-2>
5. Collins, M., Collins, G., & Butt, G. (2015). Social mobility or social reproduction? A case study of the attainment patterns of students according to their social background and ethnicity. *Educational Review*, 67(2), 196–217. <https://doi.org/10.1080/00131911.2013.859127>
6. Dumais, S. A. (2008). Adolescents' time use and academic achievement: A test of the reproduction and mobility models. *Social Science Quarterly*, 89(4), 867–886. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2008.00588.x>
7. Hahn, W. (1980). Upward academic mobility for the non-secondary school graduate: Some avenues open to young adults in West Germany. *Higher Education*, 9(1), 7–20. <https://doi.org/10.1007/BF00149132>
8. Holton, M. (2015). Adapting relationships with place: Investigating the evolving place attachment and “sense of place” of UK higher education students during a period of intense transition. *Geoforum*, 59, 21–29. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.11.017>
9. Kuhlmann, E., Ovseiko, P. V., Kurmeyer, C., Gutiérrez-Lobos, K., Steinböck, S., von Knorring, M., ... Brommels, M. (2017). Closing the gender leadership gap: A multi-centre cross-country comparison of women in management and leadership in academic health centres in the European Union. *Human Resources for Health*, 15(1). <https://doi.org/10.1186/s12960-016-0175-y>
10. Lan, S. S. (2011). Virtual attendance, class types, and student performance in blended learning format. In *ASEE Annual Conference and Exposition, Conference Proceedings*.
11. Mihi-Ramírez, A. (2016). Trends in the international academic migration: A case of Spain. *Entrepreneurial Business and Economics Review*, 4(1), 113–128. <https://doi.org/10.15678/EBER.2016.040108>
12. Petersdotter, L., Niehoff, E., & Freund, P. A. (2017). International experience makes a difference: Effects of studying abroad on students' self-efficacy. *Personality and Individual Differences*, 107, 174–178. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.11.040>
13. Picou, J. S., Wells, R. H., & Miranne, A. C. (1980). Marijuana use, occupational success values and materialistic orientations of university students: a research note. *Adolescence*, 15(59), 529–534.
14. Rheinschmidt, M. L., & Mendoza-Denton, R. (2014). Social class and academic achievement in college: The interplay of rejection sensitivity and entity beliefs. *Journal of Personality and Social Psychology*, 107(1), 101–121. <https://doi.org/10.1037/a0036553>
15. Siczek, M. M. (2018). International students in first-year writing. *International Students in First-Year Writing*. <https://doi.org/10.3998/mpub.9749872>
16. Sidhu, R., & Dall'Alba, G. (2017). 'A strategy of distinction' unfolds: unsettling the undergraduate outbound mobility experience. *British Journal of Sociology of Education*, 38(4), 468–484. <https://doi.org/10.1080/01425692.2015.1131143>
17. Soares, A. P., Guisande, M. A., & Almeida, L. S. (2007). Autonomy and collage adjustment: A study with 1st-year Portuguese college students [Autonomía y ajuste académico: Un estudio con estudiantes portugueses de primer año]. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 7(3), 753–765.
18. Sorani-Villanueva, S., McMahon, S. D., Crouch, R., & Keys, C. B. (2014). School problems and solutions for students with disabilities: A qualitative examination. *Journal of Prevention and Intervention in the Community*, 42(1), 58–71. <https://doi.org/10.1080/10852352.2014.855060>
19. Teichler, U. (2015). The event of international mobility in the course of study - the European policy objective. *The Globalisation Challenge for European Higher Education: Convergence and Diversity, Centres and Peripheries (Vol. 4)*. <https://doi.org/10.3726/978-3-653-06508-4>
20. Wyte-Lake, T., Bowman, C., Needleman, J., Dougherty, M., Scarrott, D. N., & Dobalian, A. (2014). Impact of VANA Academic-Practice Partnership Participation on Educational Mobility Decisions and Teaching Aspirations of Nurses. *Journal of Professional Nursing*, 30(5), 383–391. <https://doi.org/10.1016/j.profnurs.2014.01.009>

Mobility in the development of global legal education as a metacultural component

Saydamin M. Elmurzaev

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Disciplines
Chechen State Pedagogical University

Grozny, Russia

elmurzaev@mail.ru

 0000-0000-0000-0000

Kazbek M. Elmurzaev

Police Major, teacher of the cycle of the training center of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Chechen Republic

Grozny, Russia

elmurzaev@mail.ru

 0000-0000-0000-0000

Received 18.04.2021

Accepted 21.09.2021

Published 15.10.2021

 10.25726/f2194-8369-3796-w

Abstract

The possibilities of formation and development of education in the field of jurisprudence suggests that a lawyer as a professional can not only be limited to the jurisdiction in which he carries out his professional activity, but also act as a source of implementation of new legal structures into legislation. These include innovations in the consolidation of property rights, in the field of family and labor relations, as well as implemented provisions on foreign policy within the state itself. The novelty of the research is determined by the fact that legal education means not only the possibility of lawyers to carry out their professional activities, but also the formation of a new legal environment in which the development of national legislation is already taking place. The authors show that the emergence of legal education is historically conditioned by intellectual mobility, and therefore can be implemented as a source of introducing a cultural component into the current social type environment and ensure its sustainability in the future. The practical significance of the study is determined by the fact that the possibility of ensuring an intercultural component is primarily formed on the basis of the application of legal structures in conditions of compliance with the rule of law in society as a whole.

Keywords

Law, education, mobility, development, implementation.

References

1. Abelson, J. S., Symer, M. M., Yeo, H. L., Butler, P. D., Dolan, P. T., Moo, T. A., & Watkins, A. C. (2018). Surgical time out: Our counts are still short on racial diversity in academic surgery. *American Journal of Surgery*, 215(4), 542–548. <https://doi.org/10.1016/j.amjsurg.2017.06.028>
2. Anderson, J. A., Kutash, K., & Duchnowski, A. J. (2001). A comparison of the academic progress of students with EBD and students with LD. *Journal of Emotional and Behavioral Disorders*, 9(2), 106–115. <https://doi.org/10.1177/106342660100900205>
3. Baxter, A. (2019). Engaging Underrepresented International Students as Partners: Agency and Constraints Among Rwandan Students in the United States. *Journal of Studies in International Education*, 23(1), 106–122. <https://doi.org/10.1177/1028315318810858>

4. Benner, A. D. (2011). Latino Adolescents' Loneliness, Academic Performance, and the Buffering Nature of Friendships. *Journal of Youth and Adolescence*, 40(5), 556–567. <https://doi.org/10.1007/s10964-010-9561-2>
5. Collins, M., Collins, G., & Butt, G. (2015). Social mobility or social reproduction? A case study of the attainment patterns of students according to their social background and ethnicity. *Educational Review*, 67(2), 196–217. <https://doi.org/10.1080/00131911.2013.859127>
6. Dumais, S. A. (2008). Adolescents' time use and academic achievement: A test of the reproduction and mobility models. *Social Science Quarterly*, 89(4), 867–886. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2008.00588.x>
7. Hahn, W. (1980). Upward academic mobility for the non-secondary school graduate: Some avenues open to young adults in West Germany. *Higher Education*, 9(1), 7–20. <https://doi.org/10.1007/BF00149132>
8. Holton, M. (2015). Adapting relationships with place: Investigating the evolving place attachment and “sense of place” of UK higher education students during a period of intense transition. *Geoforum*, 59, 21–29. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.11.017>
9. Kuhlmann, E., Ovseiko, P. V., Kurmeyer, C., Gutiérrez-Lobos, K., Steinböck, S., von Knorring, M., ... Brommels, M. (2017). Closing the gender leadership gap: A multi-centre cross-country comparison of women in management and leadership in academic health centres in the European Union. *Human Resources for Health*, 15(1). <https://doi.org/10.1186/s12960-016-0175-y>
10. Lan, S. S. (2011). Virtual attendance, class types, and student performance in blended learning format. In *ASEE Annual Conference and Exposition, Conference Proceedings*.
11. Mihi-Ramírez, A. (2016). Trends in the international academic migration: A case of Spain. *Entrepreneurial Business and Economics Review*, 4(1), 113–128. <https://doi.org/10.15678/EBER.2016.040108>
12. Petersdotter, L., Niehoff, E., & Freund, P. A. (2017). International experience makes a difference: Effects of studying abroad on students' self-efficacy. *Personality and Individual Differences*, 107, 174–178. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.11.040>
13. Picou, J. S., Wells, R. H., & Miranne, A. C. (1980). Marijuana use, occupational success values and materialistic orientations of university students: a research note. *Adolescence*, 15(59), 529–534.
14. Rheinschmidt, M. L., & Mendoza-Denton, R. (2014). Social class and academic achievement in college: The interplay of rejection sensitivity and entity beliefs. *Journal of Personality and Social Psychology*, 107(1), 101–121. <https://doi.org/10.1037/a0036553>
15. Siczek, M. M. (2018). International students in first-year writing. *International Students in First-Year Writing*. <https://doi.org/10.3998/mpub.9749872>
16. Sidhu, R., & Dall'Alba, G. (2017). 'A strategy of distinction' unfolds: unsettling the undergraduate outbound mobility experience. *British Journal of Sociology of Education*, 38(4), 468–484. <https://doi.org/10.1080/01425692.2015.1131143>
17. Soares, A. P., Guisande, M. A., & Almeida, L. S. (2007). Autonomy and collage adjustment: A study with 1st-year Portuguese college students [Autonomía y ajuste académico: Un estudio con estudiantes portugueses de primer año]. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 7(3), 753–765.
18. Sorani-Villanueva, S., McMahon, S. D., Crouch, R., & Keys, C. B. (2014). School problems and solutions for students with disabilities: A qualitative examination. *Journal of Prevention and Intervention in the Community*, 42(1), 58–71. <https://doi.org/10.1080/10852352.2014.855060>
19. Teichler, U. (2015). The event of international mobility in the course of study - the European policy objective. *The Globalisation Challenge for European Higher Education: Convergence and Diversity, Centres and Peripheries (Vol. 4)*. <https://doi.org/10.3726/978-3-653-06508-4>
20. Wyte-Lake, T., Bowman, C., Needleman, J., Dougherty, M., Scarrott, D. N., & Dobalian, A. (2014). Impact of VANA Academic-Practice Partnership Participation on Educational Mobility Decisions and Teaching Aspirations of Nurses. *Journal of Professional Nursing*, 30(5), 383–391. <https://doi.org/10.1016/j.profnurs.2014.01.009>